

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Купли житейские	9
Отцова барка	10
Пытарь Бакир	20
Счастье выше богатства	30
В Усть-Койве	39
Колыван	52
Люди леса	63
Жлудовка	73
Псы	84
Флегонт	93
Конон	108
Межеумок	118
За камнем Чеген	130

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тайна беззакония	143
Боец Сарафанный	144
На Весёлые горы	153
Тайна беззакония	159
Отчитка	170
Кокуйский леший	175
Хитники на Тискосе	183

Дырник.....	195
Прочь с Костёр-горы.....	207
«В моём доме — не в Митькином».....	218
Девятая пуговка.....	233
Поздняя осень в Ёкве.....	248
Подменёвши.....	263

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Расседины земные.....	277
Осляная в Илеме.....	278
Бусыги.....	292
В шалыганке.....	302
Колодец и подземелье.....	311
Каплица Конона.....	319
Воинское присутствие.....	331
Горная стража.....	349
Мленье.....	372
Серебряная правда.....	389
По завтрашнему следу.....	410
Бойтэ.....	435
Пугачёв.....	447

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Железные караваны.....	457
Своя барка.....	458
Кафтаныч.....	468
Спишка.....	475
Караванная контора.....	484
Тринадцать копеек.....	490
Отвал.....	501
Большая соль.....	507
Мосин боец.....	515

Два стана.....	522
Старая Шайтанская дорога.....	531
Еленкины песни.....	540
Ульянка-Чусовлянка.....	550
У Демидовского креста.....	560

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Вреющие воды	569
Федька Мильков.....	570
Конец караванного вала.....	578
Моление под Царь-бойцом.....	587
Свадебный перебор.....	595
Сплавщицкая тайна.....	608
Сказка.....	620
Разбойник.....	632
«Спаси их всех».....	645
Боец Гусельный.....	655
Чупря.....	664
Штуцер и крест.....	682
Пётр — значит «камень».....	697

*Пётр сказал Ему в ответ:
«Господи! если это Ты,
повели мне прийти к Тебе по воде».
Он же сказал: «Иди».*

МАТФЕЙ 14:28–29

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Купли жителейские

ОТЦОВА БАРКА

Караванный вал давно уже скатился вниз, отгрохотав на переборах, а перед бойцом Разбойником всё ещё бушевало половодье. Река здесь вздулась блестящим бугром, и угрюмую скалу оторочило воротником белой пены. Пена вываливалась из-за гребня Разбойника и длинной полосой текла дальше по гладкому и быстрому плёсу, потихоньку истаивая. Так после бури на ещё сквозящем ветру бьётся и полощется, зацепившись за еловую лапу, сорванная девичья косынка.

Был день Лукерьи-комарницы. Стоя на корме лёгкого шитика с веслом в руках, Осташа вместе с рекой заходил в поворот. Из-за высоких лесов медленно вылезала серая громада Разбойника. Казалось, он перегородил Чусовую от берега до берега. Он всё рос, подымался, глыбился, будто медведь, что выбрался из берлоги и расправляет плечи, лапы, хребет. Солнце полудня столбом света спускалось с неба, пробивая воду до дна. Осташа видел, как его лодка проплывает над зелёными, мохнатыми, окатанными валунами. ...А в тот день три года назад был промозглый холод, встречный ветер резал глаза, тучи перехлёстывали блёклую синеву над головой...

Батя удержал бы барку на Рубце — так сплавщики называли стрёжневую струю от ребра бойца Молокова, — да Спиридон Кобылин, нагнавший сзади, своей баркой просто срубил потёси по левому борту батиной барки. И батя свалился с Рубца одеснью, как щепка слетает с обода бешено вертящегося колеса. Бурлаки бросились вытаскивать

новые потеси, которые лежали на кочетках на кровле коня. Остаться перед Разбойником без потесей — вернее гибели и не придумать. Это и Осташа понимал. Он стоял на скамейке рядом с отцом как ученик сплавщика.

Осташа вцепился в перильца обеими руками. Барка, теряя ход в западине поворота, прямоком шла носом в берег почти под камнем Кликуном. Казалось, что и Кликун вытянул шею и вздёрнул свою глупую башку, чтобы потарашиться, как батина барка отúрится, а затем её всем бортом хряснет о скалу и потопит в пене. Осташа хотел заорать, глядя то на отца, то на берег, то на каменную тушу Разбойника, обляпанную бурыми лишаями. Но лицо бати тогда было твёрдым и белым, а ветер трепал волосы, обвязанные по лбу тесёмкой, и кудлатил бороду — словно стелил длинную траву вокруг валуна. Батя вжал в усы раструб жестяной трубы и крикнул бурлакам:

— Потеси не спускать!..

— Загубишь, сплавщик!.. — прохрипел старый бурлак Гурьяна Утюгов, ходивший с батей на сплав уже десяток лет. Гурьяна бате не поверил. И Осташа не поверил, не понял: почему нельзя и дёрнуться, чтобы отгрести от берега и от скалы?..

Барка врезалась тупым носом в берег, круша подлесок. От удара бурлаки полетели на доски настила, кто-то с воплем кувыркнулся за борт. Осташу с батей едва не скинуло со скамейки. Сосны гибко качнулись над головами через всё небо, как волосы над лицом утопленника. А потом течение приподняло барку и потащило дальше, к Разбойнику, разворачивая задом наперёд. Бурлаки вставали на колени и крестились, глядя, как впереди вырастает тусклая, урчащая гора воды. Над ней из пенных кипунов поднимался страшный боец. «Может, ещё гребануть пару раз — авось бы и протиснулись вдоль камня?..» — в отчаянии подумал Осташа. И любой бы сплавщик так решил, любой. Не отказываются от последней, хоть и бесполезной попытки спастись;

в водовороте не отцепляются и от соломинки. А батя о погибели не думал.

— Не грести! Не грести, бога ради! — кричал он в трубу, повиснув подмышкой на перильце. Но никто уже и не тянулся к потесям. Барка, медленно разворачиваясь, теперь всем левым бортом неслась прямо на Разбойника. Её стало кренить, поднимая на водяную гору перед стеной. И вдруг с этой горы, как сани со склона, огромная барка скользнула вперёд и вниз. Пенная туча хлынула на палубу, сугробами заваливая вопящих бурлаков. А из мокрого тумана вознёсся мятый каменный парус, тенью мелькнул над баркой на расстоянии вытянутой руки и улетел назад, словно отброшенный ураганом.

Кормой вниз по течению, барка впритирку проскочила вдоль Разбойника с той излúки, на какой гибли все и всегда. Батя успел понять, как надо поставить барку, чтобы струя сама пронесла её мимо, а боец лишь снял стружку с просмоленного борта.

— Поклон тебе, Переход, от народа... — цепляясь за рога ворота, в журчащей тишине сказал Гурьяна. Батя сидел на краю скамейки и молчал, сплёвывая кровь. Губы его были разорваны жестью трубы. Рокот воды у Разбойника делался всё тише и тише.

Батя придумал, как пройти прямо под бойцом, как вернуться из лап погибели. Никто до него такого не совершал. Да никто бы и не смог повторить его путь, потому что батя никому, кроме Осташи, не указал места на берегу, куда надо ударить носом барки, чтобы барка отúрилась и прошла невредимой. Цепким взглядом сплавщика батя успел отметить это место: под сосной, что похожа на суксунский светéц. Это был секрет бати — и Осташи... А теперь одного Осташи, потому что нынешней весной батя попробовал вновь пройти Разбойник отúром.

На дне шитика у Осташи лежал мешок с припасами и кое-каким снарядом; вдоль борта — шест с окованным

наконечником и длинный рогожный свёрток, под который Осташа заботливо подстелил лапника. В носу лодки, распяленный прутиками, чтобы не упал, стоял раскрытым зелёный медный складень с Николой Морским — покровителем мореплавателей. Чусовая, конечно, не море, но ведь надо же было иметь заступника.

Осташа несколькими точными и сильными гребками отвёл лодку с той струи, что ударила бы его прямо в скалу. Проплывая под Разбойником, он задрал голову, придерживая шапку на затылке. Над бугристым и морщинистым каменным рылом, над плешивым теменем висело и слепило солнце, словно нимб. Облезлые клочья лишайников испятнали скалу, будто забрызгали кровью. Чего ж: безвинной кровушка Разбойник трижды умылся с головы до пят.

Отвернувшись от Разбойника, Осташа увидел вдали под светлыми глыбами Четырёх Братьев отцову барку, лежащую на дне. Палуба её поднималась над водой на аршин, не больше. Светлела тёсом двускатная кровля над льялом. Косо торчала мачта-щегла́. Осташа пригляделся. Какие-то люди ползали по крылу кровли, как мухи по пирогу.

«Ну это кумышские, — сразу понял Осташа. — Воровской народ... Такие захотят на дуде поиграть — из живого тела ребро вынут».

Он отложил весло, сел на дно лодки, размотал берестяные ленты лаптей и разулся. Потом обтёр ноги тряпкой, накрутил онúчи, вытащил из мешка сапоги и напялил; за голенище сунул нож. Снова поднявшись во весь рост, Осташа не стал подгрести, а медленно, вместе с течением, приближался к барке. Издалека походило, что это не барка затонула, а никонианская церковь.

Осташа оглядывал быстроток, а сам всё думал о батё: представлял, как батя здесь проходил. Вот он стукнулся в берег под Кликуном; барку отурило, понесло бортом на Разбойник; вот она полезла на водяной вал... И вдруг, вместо того чтобы плавно скользнуть вдоль скалы, она врезалась

левым кормовым плечом в камень. Лопнули, будто пальнуло из пушки, перебитые пополам чёрные от смолы доски пёрубня на огибке и растопорщились в разные стороны. Волна комом упала в пробоину. В утробе барки загрохотали чугунные чушки, скатываясь с места. Барку проволокло боком по скале и выбросило дальше на быстроток, разворачивая обратно носом вперёд. И барка всё грузла, заливаясь водой, осаживалась в волну, неповоротливая уже, как мёртвая. Да она и была мёртвая — убилась о Разбойник. Её несло прямо на Четырёх Братьев. Будь она жива, её всё равно раздробило бы в щепу. Но она не доплыла, затонула и легла на дно рядом с устьем Четырёхручного ручья. Люди, видно, цеплялись за пыжи и огнива, за кровлю, за стойки коня — потому их и не смыло. Уцелели все — и бурлаки, и подгубщики, и водолив. Лишь колодник захлебнулся в казёнке под палубой, да батя, сплавщик, сгинул неизвестно где. Никто не видел, куда он делся со скамейки. И тела его до сих пор не нашли.

Осташа был в отца — сплавщик по крови. Он не сожалел, что батя попробовал пройти мимо Разбойника своим опасным способом. Осташа и сам поступил бы так же. Благо, барка собственная. Рисковать чужой баркой честный сплавщик не стал бы. Но сердце грызли боль и досада. Неужели батя был неправ и пройти Разбойник таким путём невозможно? Нет, нет, нет! Батя всё рассчитал, всё учёл, всё промерил. Он шёл в двадцатый весенний сплав. За двадцать лет он не убил ни единой барки. «Удача-Переход» — звали батю и сплавщики, и бурлаки. Но Осташа знал, что не было в батиней удаче никакой удачи — только знание, верный глаз, навык, твёрдая рука и крепкая воля. На Чусовой удача не бывает. Но почему же батина барка разбилась? Батя должен был пройти. Должен. И не прошёл.

Кумышских мужиков на барке было четверо. Они уже сняли с кровли конёк и теперь топорами подцепляли доски. Выдернутые гвозди заботливо складывали в короб. Связка

длинных тесн, перетянутая верёвкой и готовая к перевозке, покачивалась в воде у борта. Мужики спокойно и деловито разбирали барку, словно у неё вовсе и не было хозяина.

— Кончай грабёж! — крикнул Осташа, причаливая лодку к пыжу и накидывая петлю на обугленный столбик огнива.

Он выложил на палубу барки длинный рогожный свёрток и сам с веслом в руке запрыгнул наверх.

Мужики, сидевшие на коньке, как вороны на заборе, опустили топоры. Один даже вогнал топор в доску и слез к Осташе, остановился напротив и вытер потные ладони о рубаху на брюхе, нагло улыбаясь в глаза.

— А ты что за хрен посреди деревни? — спросил он.

— Я сын Перехода, и барка моя.

— Нам Колыван сказал, что сгибли Переходы, и барка ничья.

— Колыван Бугрин, что ли? — Осташа не отводил взгляда. — А он откуда знает? На потеси здесь стоял?

— Может, и не стоял, а нету больше Переходов. Кончились. — Мужик хмыкнул.

Осташа почувствовал, как душа его словно цепенеет. Он не боялся своей злобы, потому что гнев будто стягивал его грудь обручами, и зубы стискивались, глаза делались зорче, а все движения становились точными и короткими. Он не зевал замаха врага, чтобы со свороченной скулой покатиться по траве. В Кашке с ним и заречные давно перестали связываться. Осташа переложил весло в левую руку и сильно толкнул мужика в широкую грудь.

— Ослеп? Переход перед тобой!

Мужик отодвинулся, и глаза его вдруг сделались масленые.

— А на что тебе эта барка? — спросил он. — Битая, несчастливая. Тебе тятка денег принесёт, десять новых барок себе кúпите.

— Каких денег? — не понял Осташа.

— Ну каких?.. Пугача денег.

— Каких денег Пугача?! — заорал Осташа.

Глаза кумышского остекленели, а улыбка исчезла, будто он её сплюнул.

— А почто твой тятка барку разбил, а, щенок? — спокойно спросил он. — Думал, все его за мертвяка посчитают, а он клад Пугача выкопает и заживёт от пуза где-нибудь на Руси. Все ведь знают, что он один видел, куда Чика клад зарыл.

Осташа молча перехватил весло обеими руками и с короткого замаха ударил кумышского по скуле. Того отбросило на ребро кровли, но он не упал, удержавшись за край.

— Мужики, руби его, никто не дознается! — хрипло крикнул он.

Осташа бросил весло, отбежал назад и поднял свой рогожный свёрток. Стряхнув рогожу, он наставил на мужиков унтер-офицерский штуцер, переводя гранёный ствол с одного на другого.

— Первого завалю, остальных — как получится, — предупредил Осташа. — Со мной и нож есть. Мясо резать умею.

Мужики, что уже поползли было по ребру кровли к Осташе, замерли. После Пугача на Чусовой ружьями и топорами не грозили просто так — сразу пускали в ход. Даже в драках за девок били насмерть и топтали ногами, и никто не вступался разнять — самого кончат. Народ с узды сорвался, кровь была — как вода. «Пугач закон отрешил», — говорили по каплицам учителя.

— Отчаянный, оторва, — садясь и утирая кровь со скулы, сказал мужик, которого Осташа ударил. — При Пугаче-то, вроде, ещё без штанов бегал...

— Пошли прочь отсюда, — спокойно сказал Осташа. — Моя барка.

Мужики угрюмо, с опаской слезли с кровли, подняли своего вожака и потащили к доске-сходне, что была

перекинута с борта на близкий берег. Осташа дулом проводил их до тальника, а потом опустил штуцер.

Через некоторое время из кустов прямо от выступа скалы выползла и легла на воду лодка-наса́да. Кумышские забрались в неё; двое сели, а двое, стоя, оттолкнулись от берега и погнали насаду вверх по течению, тюкая о камни на дне окованными концами шестов.

— И Кольвану Бугрину передайте, чтоб в голбце поси́дел, пока я домой не вернусь! — крикнул им вслед Осташа.

— На сплаве сочтёмся!.. — изда́лека ответили ему. — Со дна у Чусовой тебя тятка ни за какие сокровища Пугача не выкупит!..

В горле у Осташи скребло, будто он песка нажрался. Осташа сбросил шапку, подошёл к краю палубы, положил тяжёлый штуцер, лёг сам, дотянулся ладонью до воды, умыл окостеневшее лицо, напился. В затылок пекло́ солнце. Вот, значит, как теперь говорят об отце... Нужно ли тогда ему было быть честным, когда на сплаве половина сплавщиков продавалась, а другая половина — покупала? Мёртвые, конечно, сраму не имеют — да и не было на бате позора. Наговор один, поклёп. Не червивело батю коварство. Батя погиб, это понятно. Но кому чего докажешь, если не бить в зубы, кровью затыкая поганую пасть?

Осташа завернул штуцер обратно в рогожу. После бунта на Чусовой много разного оружия осталось. В любом доме имелось. Вот и батя купил хорошее ружьё. «Почто купил? — сам себе удивлялся тогда батя. — В дому у нас брать нечего... Вор придёт — так я шмыг под печь, меня оттуда и кочергой не выковырять. Ты, Остафий, и без ружья любому глаз выбьешь. А если Макаровну украдут, так вечером же сами и обратно принесут, да ещё нам два пуда хлеба подарят, чтобы мы её за ворота не выпускали...» Батя обмотал штуцер дерюгой и берестой и закопал в голбце. Батя всё равно бы не стал стрелять в человека, хотя после Пугача в такое и не верилось. А Осташа стрельнул бы, рука бы

не дрогнула. И когда батин подгубщик Гурьяна Утюгов принёс весть о крушении отцовской барки, Осташа выкопал шуцер и взял его с собой в дорогу.

Река уже посинела. На ярко освещённых камнях дальнего берега раскричались птицы. Солнце укололось доньшком о верхушки сосен на хребте Четырёх Братьев и покраснело, словно от боли. Из тесного, сумеречного распадка толчками выбивался бурный по весне Четырёхручей. Он волочил ветки, сучья, кору, оторванные куски дернины, гневливо швырял всё это в Чусовую — так вздорная баба, подметая в избе, выбрасывает мусор с крыльца под ноги пришедшему гостю.

Осташа забрался в шитик и оплыл барку кругом. Пролом был только один — на левом кормовом плече, которым барка ударилась в скалу. Трещина рассекла борт сверху до низу. В этой чёрной щели торчала заплывшая ветка, будто шерстинка между зубов у волка. Доски обшивки лопнули, но кокора, похоже, была цела. Огниво от удара растрескалось вдоль слоёв. Палубный настил задрало и расшеперило. А в общем, барку можно было починить. В мёжень, к Прокосьеву дню, вода ещё упадёт, обнажив пролом наповину. Днище барки всё равно лежит на камнях неплотно. В просветы можно просунуть чегёни и на распорах рычагами приподнять гузно барки, полностью выведя пролом из реки. Потом сменить огниво, прибить дощатую заплату, вколотить обратно тесины палубы и засмолить всё. Потом отчерпать воду из барки, и барка всплывёт. Заплата всё ж таки на корме, и на ходовые свойства она особо не повлияет. Да ниже устья Койвы сплавщику и бояться-то нечего, разве что Гребешок — боец опасный. А Вашкёрский перебор, Камасинские мели, протоки Дикого острова за деревней Копально — это другое дело, не смертельное.

Но Осташа решил осмотреть барку ещё и внутри. Не хотелось лезть в ледяную воду, да не положено было сплавщику оценивать барку на глазок. На палубе барки Осташа

разделся догола, взял весло на всякий случай и прыгнул под кровлю на дно барки, в льяло. Воды оказалось по грудь. Внутри барки полумрак был насечён на ломти полосами света из прорех, где кумышские воры уже сняли доски. В огромном, гулком, пустом коробе барки глухо шлёпали о деревянные борта волны, поднятые Осташиными движениями.

...Гурьян рассказал Осташе, как было дело. Бурлаки выбрались после крушения на берег, отогрелись у костра; потом пошарили по прибрежным кустам вниз на пару вёрст, отыскивая тело Перехода, но не нашли ничего; потом поразмыслили и двинули в Кын-завод. Батя вёл барку из строгановского завода Билимбáй, поэтому в строгановском Кыну́ им должны были помочь. Тридцать с лишним вёрст до Кына шли голодняком два дня; переползали через скалы, перебирались через притоки. В Ослянской пристани на пароме перекинулись на левый берег, перевалили гору Мултыкá.

Строгановского сплавного приказчика Кузьму Егорыча бурлаки застали в Кыну. Кузьма Егорыч распорядился дать им два межеумка, что были заготовлены на летнюю путину для межени, и сказал: коли бурлаки хотят за сплав свои деньги получить, пусть плывут обратно, перегружают чугун на межеумки и везут его на Лёвшину пристань, как и должно было. Бурлаки, понятно, согласились; уплыли, разгрузили затонувшую барку и на межеумках побежали дальше, в Каму. Всё страшное для них было уже позади: Горчák, Мóлоков, Разбойник, Четыре Брата пройдены, а мимо Отмётыша бог проведёт. Только Гурьяна совсем простыл и остался в Кыну. А поправился — и побрёл берегом Чусовой в Кашку, понёс Осташе чёрную весть.

Ступая на уже осклизлые плахи подмёта, стараясь не запнуться о кíрень, хватаясь руками за брусья озд над головой, Осташа внимательно осмотрел барку изнутри. Из пролома живот обдало холодом свежей воды. Кроме самого пролома, имелась только одна дыра по левому борту

за бараном, почти у днища. Здесь выскочила доска-бокárь, заменить которую было раз плюнуть. Нет, барку рано было разбирать на лес. Можно ещё поднять, можно.

Напоследок Осташа заглянул в казёнку — дощатую каморку под палубой. Залезали в казёнку из мурьí. Маленький лаз под потолком был очень неудобен, когда в барке нет груза. Бурлаки прорубили здесь стенку, чтобы достать утопленника. Осташа протиснулся в казёнку и огляделся. Тесная конура была бы совсем тёмной, если б не два оконца-прóдуха в потолке, перекрещённые скобами, чтобы в них не проваливались ноги бурлаков. Осташа набрал в грудь воздуха и присел совсем под воду, разглядел в мути и сумраке толстое железное кольцо, намертво ввинченное в брус. К этому кольцу и был прикован колóдник. Барка затонула, и он тоже захлебнулся в своей темнице. Ну и смерть... Осташа вынырнул, отплевался и полез обратно на палубу.

Теперь ему всё было ясно. Барку смело можно было продать.

ПЫТАРЬ БАКИР

Полянка на высоком берегу над Четырёхшным ручьём казалась какой-то домашней. Здесь всегда разбивали стан рыбаки, охотники, отдохавшие рудокопы с недалёкого Четырёхбратского рудника, пока рудник ещё работал, да и просто прохожий или проплывающий мимо народ. Посреди полянки чернело кострище с рогульками, а рядом с ним громоздился навес, покрытый горой порыжевшего лапника, стояли вёшала — одежду просушить, лодку. Осташа притащил с берега доску-сходню, на которой решил спать у костра, чтобы не застыть от земли.

Над полянкой подымался крутой, заросший соснами склон одного из Братьев. Прямо под склоном торчал крест на могиле колодника, захлебнувшегося в казёнке отцовой

барки. Колодника наспех схоронили бурлаки. Месяца ещё не прошло, а крест уже покосился. И Четырёхшный лог, и полянка были в сумерках, словно под покровом Богородицы, но чеканные сосны на гребне горы ещё горели золотом заката, будто звали к себе. По-иконному лазоревое небо за соснами не успело прогреться за день и студило взгляд. От Чусовой и от ручья две стены холода огородили полянку.

Осташа сидел у костерка и следил, чтобы не опрокинулся горшок с водой, воткнутый в уголья. По заводским слободкам давно сипели самовары, что паял демидовский Суксун-завод, но кержаки-двоеданы, не отступавшие от древлеправославной веры, самоваров не держали, называя «чёртовым брюхом». И чая не пили, чтобы не отчаяться. На Чусовой работный люд, собранный заводчиками по всей Руси с бору по сосенке, давно утратил и корни свои, и отцов обряд, и прадедовскую Палею. Но пристанские — сплавной народ из коренных чусовлян — веру держали строго. Хотя давно уж вера их растрескалась на десятки толков, в которых только начётчики могли разобраться без ошибки.

По реке у дальнего берега изредка проплывали длинные связки плотов — «кобылами» или «гусями», собранные и в гребёнку, и в ёлку, и в накат. На первой сплётке — на хомуте, — на выстилке у длинного весла-дригáлки обычно стоял мужик. На задних сплотках — на крòквинах, на жòростях — бабы, девки, дети. Осташа издали слышал звонкий девчоночий смех, и ему хотелось, чтобы плот подгрёб для ночёвки сюда, к нему. Но огромная затонувшая барка не давала зачалиться, и плоты уплывали дальше. Свет над рекой угасал. Угрюмым синим огнём зажигались омуты. Над лесами расправляли плечи чёрные скалы. Луна, как небесная польня, морозно замерцала над косматыми хребтами, дико отражаясь в излучинах плёсов.

Осташе было чуть жутковато одному, хоть он и не грешил пужливостью. И места эти дикие, и злая слава здешних Царь-бойцов ведь человечесьей кровью вспоена, и ещё рядом

могила колодника, умершего без причащения, неотпетого, схороненного без гроба... Да и вообще: где-то здесь, на Четырёх Братях, в земле караулят пугачёвский клад зарытые злодеем Чикой братья Гусевы... Вот станет Осташа сплавщиком — и не будет этих жутких, одиноких ночей. Костёр будет до неба, и вокруг — усталые люди, и какой-нибудь балагур будет тешить народ побасёнками в непроглядной майской тьме над Чусовой...

«Барку продам в Усть-Койве, — думал Осташа. — Там кордон Кусьинского завода. На кордоне барки всегда нужны. Жаль, придётся за полцены отдать. Скостят и за починку, и за подъём со дна. Да ещё небось обманут на сколько-то...»

Денег после бати в доме не осталось. Не на что было починить и поднять барку, а потом нанять бурлаков, чтобы притащили её в Кашку, на пристань. Или хотя бы в Ослянку. Значит, надо барку продавать. А жаль до скрипа зубовного. Батя всю жизнь копил на свою барку, не стал из крепости ни себя, ни Осташу выкупать. И вот обзавёлся. Чтобы на первом же сплаве — сгинуть.

Без своей барки сплавщик на вольную и сытую жизнь никогда не заработает. Так весь век и будет чужие суда водить и кругом должным оставаться. А заводчики и купцы и сами с большей охотой нанимают сплавщика с его собственной баркой. Во-первых, свою-то вдвойне беречь будет. А во-вторых... Барка стоит рублей пятьдесят. Наёмный сплавщик за один сплав получает девять рублей за чугун, одиннадцать — за медь. По меркам бурлака или углежога, конечно, это деньги огромные. Но бурлаки и углежоги не знают, какими мошнами сплавные старосты бренчат — глаза вылезут от натуги, если подымешь. И сплавщик со своей баркой за сплав берёт рублей по двадцать. Это как залог или откуп. Разобьёт сплавщик чужую барку — у хозяина, заводчика или купца, пятьдесят рублей пропадёт, не считая груза. А свою барку сплавщик угробит — хозяин только двадцать рублей потеряет. Расчёт простой. А доведёшь барку

до Лёвшиной пристани или до Оханска на Каме, где груз на здоровенные камские и волжские баржи перегружают, — продашь барку ещё с наваром рубля в два-три. Андреян Гилёв из Сулёма однажды так подгадал, что навару в девять рублей взял. Если не пропьёшь деньги в кабаках на Разгуляе — а старой веры люди не пьют, как никонианцы, — то вернёшься домой и крестьян подрядишь на плóтбищах новую барку построить. Да ещё останется на жизнь зимой, да в кошель — на вольную. И потому сплавщику на сплаве без своей барки — как пушкарю без пороху: только «ура!» вопить, а больше делать нечего.

Осташа совсем задумался, глядя в костёр, как вдруг услышал сзади:

— Не шевелись! Денга давай!

Осташа не испугался, но замер, недоумевая. А сзади раздался тонкий, захлёбывающийся смех, и Осташа сразу всё понял. Он оглянулся. В темноте под горой стоял Бакирка-пытарь — всем известный на Чусовой полоумный человешишко. Он целил в Осташу из длинного ружья.

Бакирка, как домовый, всегда ходил босой и без шапки, разве что шерстью не оброс. Он и сейчас стоял босиком, не смотря на земляной холод. Он был одет в какое-то немыслимое тряпье, перепоясанное полоской ивовой коры; на голове громоздилась рваная штанина. Круглое татарское лицо Бакира сплошь заросло чёрными кольцами волос.

— В другой раз прибью ненароком, дошутисься! — сказал Осташа, не вставая. — Садись к огню, грейся.

Бакирка тотчас положил ружьё на землю, уселся, скрестив ноги, и протянул над углями ладони.

Бакирка был пытарем — пытал клады. Клады, должно быть, на Чусовой и вправду имелись: тайники на древних вогульских мóльбищах, разорённых русскими пришельцами; клады Ермака Тимофеевича и Ваньки Кольца́; клады соленосов, что по тайному тракту в лесах несли в Сибирь мимо таможенных застав строгановскую соль; раскольничьи

клады; клады чусовских разбойников — Зацепы, Полушки, Пантелея-казака, Степана Пульникова, Фелисаты Бабья Дружина, Парамошки Попова, Сивой Лапы, Андрея Плотникова — Золотого Атамана... Да и много ещё чьих захо-ронок. После Пугача стали искать клад Чики-Зарубина. Кое-кто из пытарей, случалось, и находил чего, но по большей части ерунду — ржавый меч, рваную кольчугу, медную побрякушку.

На Чусовой искать клады пробовали многие. В основном между делом, в охотку, на забаву. Но были и пытари одержимые, которым ничего на свете не надо, лишь бы шариться по глухим урманам, искать брошенные вертепы, долбить каменистую землю тяжёлым заступом в безумной надежде откопать счастье, славу, удачу. Бакирка был из этих.

— Откуда ружьё-то взял? — спросил Осташа.

Он уселся, подтащил ружьё к себе и осмотрел. Ружьё было солдатским. Ствол заржавел, ложа и приклад покорбились, разбухли, шомпол был потерян, а отверстие под него забито землёй. На кольце болтался лоскут отгнившего ремня. Осташа со скрежетом открыл замок. На затравочной полке запеклась какая-то накипь, пружину и шептало надо было менять, но в губках курка и прижимного винта ещё был зажат кремень.

— Бакир на Пещерном камне нашёл. Полез в пещеру, думал — клад найдёт, а нету ничего. Глядит сверху — что-то на камне торчит. Полез Бакир, смело лез, чуть не упал со всем. — Бакирка счастливо засмеялся, блестя в темноте зубами. — В щеле два солдата лежат. Одни кости остались, мяса нет, одежда плохая, брать незачем. Ведь четыре года лежат, давно! В Пугача стреляли. От сапог подмётки только, а сумки патронные и ремни Бакир пальцем протыкал. Пуговиц целый кулак набрал, в Вóлеговке на хлеб поменял. А ружья там два было. Одно оставил, чтоб мертвец не обиделся.

— Везёт дуракам, — позавидовал Осташа Бакиркиной находке.

Бакирка и вправду был дурачок. Тронулся он в пугачёвский бунт. До того работал на Старой Шайтанке откатчиком, подымал тачки с коробами угля на верх домны. В слободке на самой окраине у него избушка стояла. Жена была, говорили, красавица, Гюльшат звали. В ту зиму, когда Батыркой и Обдей с башкирскими ордами долбились в заиндевшие частоколы Кунгура, Белобородов с отрядами прокатился по Чусовой. Шайтанку они заняли без боя, но были до черноты лица обозлены яростным непокорством Старой Утки. В Шайтанке началась расправа, месть за кровавый уткинский приступ. Висельники закачались на воротах; порубленными мастеровыми завалили глотки погашенных домен; до полусмерти били и секли баб, что хватались за своих мужиков, повязанных бунтовщиками. Пока работным, согнанным на площадь у плотины, с крыльца разорённого господского дома читали грамоты царя Петра Фёдоровича, бунтовщики из тех, которые о кресте забыли, рыскали по домам Шайтанки.

У Белобородова в войске были два братца прозвищем Китайчата. Конечно, не из Китая они взялись, а были беглые каторжные из Нерчинского острога, буряты. Они и вломились к Бакиру в избу. Бабу его беременную изнасиловали, потом горло перерезали, как алтайской кобылице, предназначенной на заклание, да потом ещё вспороли живот и достали младенца, положили в приготовленную Бакиром зыбку — для смеха, а в живот засунули кошку. Бакир домой вернулся и увидел горенку свою, залитую кровью, как бойня, увидел окровавленного нерождённого младенца в зыбке, услышал, как кошка орёт из тела мёртвой жены. А Китайчата ничего, ржали. Та картина Бакиру стала как дробь, засыпанная лошади в ухо, — всегда в голове, и в конце концов свела с ума. Китайчата же и после Белобородова по лесам вокруг Бисёрти долго безобразничали, пока местные мужики не загнали их в болото и кольями не вколотили в трясины.

А Бакир с того дня стал ни на что уже не годен. Даже самую простую работу выполнить не мог. Тачку толкает — колесо отломит, канаву рыть заставят — так накопает каких-то собачьих ям, за грибами пойдёт — на неделю потеряется. Его и били батогами, и в холодную сажали, да без толку. Плетью в человека не вернёшь того, что бог отнял. Заблудившего в лесу и зверь не трогает: его ведь леший водит и бережёт. Отступились и отпустили Бакира на все четыре стороны.

И Бакир по простоте душевной принялся клады искать. Как ни странно, всегда что-нибудь находил. То монету золотую старинную на хлеб выменивал, то рукоять меча с самоцветом в крýже, то почерневший серебряный крест. Зимой он побирался, подавали ему охотно. Весной на сплав бурлаком ходил; на сплаве-то народ общим умом живёт, своего ума не надо. За сплав Бакиру не платили, только кормили на чужой кошт. Летом Бакир землю рыл, воровал. Его ловили и били, но не сильно. Бабы его любили за лёгкий и весёлый нрав — ну и что, что дурак. Бывало, и в тальнике его на себя заваливали. Хоть пристанские кержаки жён своих держали в строгости, без своего благословения и лучины нащепать не позволяли, секли как сидоровых коз за малейший грех, а всё ж пристанским жёнкам вольнее было, а в кое-каких толках и бесстыднее, чем заводским. Вот Бакир и жил, как птах: поклевал — поёт, не поклевал — тоже поёт.

— Ну как, откопал клад Пугача? — насмешливо спросил Бакирку Осташа. — Если жрать хочешь, наливай из горшка. Только себе берестяную уточку сделай, не погань посуду.

Бакирка поднял валявшийся поблизости обрывок бересты и начал складывать уточку, даже не очистив бересту от коры и грязи.

— Нет, ещё маленько не откопал, — сказал он. — Крепко Переход денгу спрятал.

— Да нет тут никакого клада...

— Есть, — убеждённо возразил Бакир. — Вот, Астапа, смотри.

Он встал и выволок из лапника в навесе кованый бондарный обруч. На ржавом ободе виднелись отеканенные буквы: «ЦРЪ ПТРЪ ФДРЧЪ».

— Это с винного бочонка, — пояснил Бакир, отнимая у Осташи обруч и засовывая обратно в лапник. — Вино выпил кто-то. А золото здесь. По приметам знает Бакир.

— По каким приметам?

— По страшным. Бакир сам видел, правду говорит. Ночью по скале семь кошек бегают, мяукают. Две рыжие, пять чёрных.

— Ну и что?

— Рыжий кот — на золото. Два бочонка золота Чика тут спрятал. Чёрный кот — мертвец, шайтан. Четырёх братьев Чика тут положил золота стеречь, закопал, спрятал. Семь кошек — на семь голов клад заговорён. Понял, Астапа?

— Семерых, значит, тебе убить надо и головы их сюда принести, чтобы клад открылся?

— Надо. Только Бакир шибко хитрый. Людей Бакир не убивал, жалко. Бакир собак убивал, обманул шайтана. Закопал собачьи головы. А где клад? Не открылся Бакиру! Другие шайтаны ещё стерегут. Пугач, Чика, Белая Борода — совсем злой люди были.

Осташа вспомнил, как на прошлом весеннем сплаве его дружок из Кумыша Никешка Долматов, ходивший с батей бурлаком, рассказывал, что стали в Кумыше собаки куда-то исчезать. Все думали, что волки их дерут. А это, оказывается, Бакир клад расколдовывал... Мысли Осташи вновь перескочили на батю. В нынешний сплав с батей Никешка без Осташи не пошёл. А Осташа не смог: батя велел с Макаровой дома сидеть: расхворалась карга Макариха не к часу. Пошёл бы Осташа с батей — может, и батя не пропал бы...

— А каких ты ещё шайтанов тут видал?

— Много шайтанов. Один раз видел — конь пасётся. Бакир за ним. Конь засмеялся человеческим голосом и провалился. Другой раз ночью видел Бакир на скале петушка огненного. А ещё другой раз просто так шёл Бакир по скалам,

и вдруг как из пушки ударило! Обмер Бакир, побежал, потом смотрит вокруг — пусто! Это клад отозвался, Бакир над ним прошёл. А где прошёл — забыл! Беда! А совсем другой раз спит Бакир и слышит из-под земли... — Бакир завыл, подражая голосу мертвецов: — «Ску-ушно ли тебе, братец, в земле-е?..» — «Скуушно, братец!..» Страшно Бакиру стало! Ой, страшно!

— Ну ты на ночь-то давай... — поёжился Осташа.

— Вдвоём не страшно, вдвоём что!.. А Бакир один. Как-то раз вечером видит Бакир: девка тут сидит. Ну, думает, не страшно, весело ночью будет. Девка приго-ожая!.. Люби меня, говорит, Бакир, только поясок не развязывай. Бакир-то и спросил: почему? «А живот-то у меня распорот, выпадет сердце!..» Бакир глядит: девка смеётся, а у неё и горло перерезано! Закричал Бакир, руками замахал, убежал!.. Это шайтаны, что клад стерегут, на Бакира выходят! Трус Бакир. Надо было Бакиру ту девку полюбить — и открылся бы клад. А Бакир — коян, заяц. Бакир с вогуличем Шакулóй в Ёкве говорил, обещал вогулич со святой горы вогульской разрыв-траву принести, папоры цвет... Ждёт Бакир.

Батя в то лето после Пугача сказал Осташе: «На Чусовой каждый будет знать, где Чика клад Пугача зарыл, да все не там искать станут. Ну и пусть ищут. Клад тот не на удачливого положен, а на истинного царя Петра Фёдоровича, когда тот снова объявится». А над Бакиркой батя попросту посмеивался: «Не для нас клад и не для пытарей. А Бакирке же бог указчик. Пускай он на Четырёх Братях копает. И задёлье для пустой головы, и к людям близко». Батя знал, где клад. Он сам с Чикой и братьями Гусевыми уплыл его прятать. Только ничего потом об этом не рассказывал.

— Нету клада на Четырёх Братях, — сказал Бакирке Осташа и приврал, поддразнивая: — Мне батя говорил.

— Шайтан есть, а клада нет? — засмеялся Бакир. — Бакир сам видел в логу: ночью земля светится! Думал, утром достанет клад. А утро пришло — где земля светилась? Тут?

Не-ет, вон там! Или там? Где? Не нашёл Бакир место, закрутили его шайтаны! Твой, Астапа, тятка — хитрый был: клад не знал, а всем сказал, что знал.

— Как же это не знал? — обиделся Осташа.

— А так и не знал! Он ведь землю Чике не рыл. Он сбежал. Братья Гусевы рыли, братья знают, только братья сами в земле на кладе лежат. Тятка твой, Переход, всем говорил: я клад прятал! Я клад прятал! Вот я какой человек большой! Может, за то и наказали его шайтаны, утопили! Я ведь весной прямо с ним на этой вот барке плыл. — Бакир ткнул пальцем в сторону Чусовой.

— Да ну? — изумился Осташа и даже чуть приподнялся. — И ты видел, как барка об Разбойник ударилась, как она на дно пошла?

— Не-е, того Бакир не видел. — Бакирка потряс кудлатой головой. — Бакир испугался. Кумыш, Горчак проплыли — и страшно стало Бакиру. Прыгнул в воду с барки и уплыл на берег.

Бакир сложил перед грудью ладони и показал, как он прыгнул с борта в Чусовую.

— А куда прыгнул? — неожиданно заинтересовался Осташа. — На левую сторону?

— Туда, — согласился Бакир.

— Отчего же перед Молоковым бойцом ты на левую сторону прыгнул? Не в первый же раз на сплав шёл, и здешние места все знаешь. Спастись хотел — прыгал бы направо, а налево тебя сразу на скалу понесёт.

— И понесло, ух, шибко понесло! — обрадованно согласился Бакир. — Бакир думал — смерть! Волна как дом, и вся об камень! Бакир за доску держался! Как спасся Бакир — не помнит!

— На правый борт надо было прыгать, — повторил Осташа.

— Налево Бакир прыгнул, — кивнул Бакирка. — Надо было.

— Почто?

— Надо, Астапа, верно.

«Дурак», — подумал Осташа.

Если по звёздам, так было уже за полночь. Костёр прогорел. Сосны на гребне высокой горы под луной стояли как стеклянные. Осташа подгрёб угли, улёгся на своей доске поудобнее и натянул армяк на голову.

— Давай спать, Бакирка, — сказал он. — Мне завтра ещё грести до Усть-Койвы да торговаться. Голова нужна свежая. Спи и ты. Может, завтра клад отыщешь.

Осташа только закрыл глаза — и сразу его понесло, как барку по стрёжню: замелькали скалы, деревья, повороты...

Осташа проснулся перед рассветом. Бакир держал его за ногу и тихо тянул к себе.

— Ты чего? — сонно спросил Осташа.

Бакир тихо засмеялся, бросил ногу и отбежал. Он пытался стянуть с Осташи сапог.

— Ах ты вор! — рявкнул Осташа, подскакивая.

Бакир повернулся и дунул в гору.

СЧАСТЬЕ ВЫШЕ БОГАТЫРСТВА

Из воды выскочила и с шумом бросилась в кусты порешная — выдра, когда Осташа столкнул с отмели шитик. Над Чусовой где-то за Разбойником нежно розовело небо. Пунцово горели два облачных пера, отражаясь в гладком плёсе. Осташа разбил гладь шестом, и отражения рассыпались огненными лоскутьями.

Птицы ещё не пели, и в тишине звонко цокал о камни железный наконечник шеста, словно маленький молоточек о наковальню. Было холодно. Лёгкий туман стелился над отмелями. Из-за гор выглянул спящий край солнца, и туман начал исчезать, оседая росой на короткой прибрежной травке.

Осташа миновал косые гребни Отмётъша, каменными ножами вонзившиеся в Чусовую. Оглянувшись, он долго рассматривал сѹвоть за бойцом — сейчас безобидную, безопасную, а на сплаве — смертоносную. Мелкая волна ластилась о белую скалу, вылизывала камень, как собака своего щенка. Немало барок заглотила собачья пасть этого противотока.

По левую руку на устье речонки Шумиловки зеленел моховой горб землянки. Над землянкой не было ни дымка, ни пара. Здесь жил пермяк-бобыль по прозвищу Ера́н, что значит дикий, чужой. Он и был всем чужим — без бабы, без детей, без товарищей. Даже единственная корова у Ерана была как лосиха — тощая, жилистая. Паслась сама по себе неизвестно где, приходила по вечерам доиться, зимовала с Ераном под одной крышей. Ерановы псы не облаивали лодку Осташи. Значит, Еран с собаками ушёл на охоту. Напротив Ерановой берлоги на правом берегу Чусовой громоздился камень Воронки — будто огромный сундук-лубя́нка с сосновым бором на крышке.

За кручей Рассольной горы появилась пристань в устье Рассольной речки. У свайных причалов стояли две большие недостроенные барки, как два лаптя у порога. Их рули-стёрна безвольно вывернулись набок и смотрели вниз по течению. За причалами на пологом берегу было скáтище; здесь склон расчертили бревенчатые спуски — покáтни. На покатнях громоздилась ещё одна недостроенная барка, подпёртая в бок короткими и толстыми брёвнами-попáми, чтоб не съехала в воду. За баркой стояли забатóванные склады байдáнов, брёвен-белотéлов. Лежали вороха свежеполосованных толстых досок — батанцóв баркам на бортовiны. По берегу, засыпанному стружкой и грязным опилом, валялись корявые, серые, высохшие карчи — утонувшие, но вытáщенные из русла пни.

На Рассольной пристани строили суда для Ку́синского завода. Их спускали к кордону в деревне Усть-Кóйва.

От Кусьи до Усть-Койвы по реке Койве железо и чугун везли в шитиках, а на кордоне перегружали в барки. Проплывая мимо пристани, Осташа видел под горой в урочище крыши и трубы изб деревни Рассольной. За крышами торчала лужковка часовни. За часовней, ссыпаясь по склону горы, светлели отвалы двух рудников. Под рудниками речка Рассольная была подпружена; пруд блестел на солнце, как серебряный. На вешнях плотины медленно вращались деревянные колёса медведок — дробилок для руды.

— Эй, парень, причаль!.. — услышал Осташа с берега.

За устьем речки Рассольной, под взлеском, среди куч щепы и мусора горел костерок, вокруг которого сидели какие-то мужики. Осташа толкнулся шестом, направляя шитик к отмели.

Мужиков было пятеро, и все уже под хмельком, несмотря на утро. Они расселись на горбылях, на обрубках-ёлтышах, жевали чёрный жвак — перетопленную лиственничную живицу, плевали под ноги жёлтой слюной. Над огнём висел котёл; в котле деревянной поварёшкой-чумичкой ворочала гущу какая-то баба в туго повязанном чистом белом платке.

— Чего хотели? — спросил Осташа, оглядываясь.

— Вылазь, дело есть. Гостем будешь.

Осташа вылез на берег, подтащил лодку и поднялся на угор к мужикам. Здесь верховодил пожилой толсторожий дядька с морщинистым лбом и большой кудлатой бородой.

— Ты чей? — сразу спросил он.

— Строгановский, с Кашки. Чего надо-то?

— Щёрбу станешь? Постное, как раз для вас, кержаков.

— Давай, — охотно согласился проголодавшийся Осташа. — А пост, кстати, кончился. Пасху уж справили, коли ты не заметил. Не надо, тётка. — Осташа рукой оставил бабу, доставшую помытую деревянную чашку. — Мы из своего едим, не скоромимся.

Он пошёл обратно к шитику за посудой. За спиной его кто-то из мужиков хмыкнул. Мужики, судя по одежде и выпивке, были заводские, никонианцы. Зато здешний народ, до которого не дошли пугачёвцы, сохранил добродушие и приветливость, что калёным железом были вытравлены у тех, по кому прокатилась телега бунта. Говорят, в Кусье до сих пор на дверях в избах и засовов не делали, а если уходили куда — только батожком дверь припирали. В Кашке давно на ночной стук в ставню сначала ружьё из запечья вынимали, потом спрашивали, кто пришёл.

Осташа сам своей берестяной уточкой налил себе ухи и присел у костра, по-татарски скрестив ноги.

— Меня дядей Федотом зови, — сказал артельный. — А ты куда правишься, в Усть-Койву?

— А что, книзу-то я в Кын попаду?

— Не кудакай, дорогу осётуешь, — сказал Федоту мужик помоложе, в залатанном армяке.

— Зубастый парень, — одобрил артельный, широко улыбаясь.

— А мы, кержаки по-вашему, на Масленицу в Баронскую не ездим, потому и зубастые.

Мужики заржали. Строгановские и демидовские на Масленицу устраивали кулачный бой на льду Межевой Утки, как раз между деревней Баронской и пристанью Усть-Утка. В этом году, говорят, строгановским набили рожи и весь лёд был засыпан выставленными зубами.

— Мы чего тебя попросить-то хотели, — приступил артельный. — Коли ты в Усть-Койве будешь — найди, слушай, там нашего мужика, Афанасием зовут. У него ещё борода вся чёрная, а голова как снег. Скажи ему, что Федот Михеев просит соли привезти фунтов пять. Соли, понимаешь, нам надо.

— Как же это вы, дядя Федот, в Рассольной — и без соли?